



АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 930.23

DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-1-123-131

К вопросу о происхождении этнонимов *варяги* и *видиварии*

А.Е. Виноградов

Независимый исследователь, г. Москва

E-mail: alwynor@mail.ru

Аннотация. Спор об этнической природе и происхождении названия варягов, упомянутых в древнерусских летописях, продолжается уже не одно столетие. Исследователи опираются в основном на поздние скандинавские и византийские источники или же, наоборот, на античные сведения, фиксировавшие другую этническую картину по сравнению с той, что была в Восточной Европе к моменту летописного призвания варягов. При этом на второй план уходят известия источников о народах, населявших берега и острова Балтики в раннем средневековье, этнонимы которых связывают с Гуннской и Аварской державами. Именно эти этнонимы, возможно, являются кальками термина *варяг* и связанного с ним *видиварии*.

Ключевые слова: варяги, видиварии, Балтика, скандинавы, латинский язык, гунны, тюрки, Аварский каганат.

Для цитирования: Виноградов А.Е. 2021. К вопросу о происхождении этнонимов *варяги* и *видиварии*. Via in tempore. История. Политология, 48 (1): 123–131. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-1-123-131.

On the question of the origin of etnonyms *Varyagi* and *Vidivarii*

Alexey E. Vinogradov

Independent researcher, Moscow

E-mail: alwynor@mail.ru

Abstract. The dispute about the ethnic nature of the Varangians mentioned in the ancient Russian chronicles has been going on for more than one century. Researchers rely mainly on late Scandinavian and Byzantine sources, or, conversely, on ancient information that recorded a different ethnic picture compared to that in Eastern Europe at the time of the chronicle vocation of the Varangians. At the same time, news of sources about other peoples who inhabited the shores and islands of the Baltic in the early Middle Ages, whose ethnonyms are associated with the Hunnic and Avar powers, go into the background. The Turks, Avars and other Eastern Peoples who came to Europe, mixing with Germans, Vlachs and Slavs, gave birth to new Ethnic Groups with names that reflect the ethnonymic tradition of nomads in a new European form. This fact, as well as the spread of the Latin language in the status of the *lingua franca*, not only of the post-Roman world, but also of other parts of Europe, caused the appearance of the phenomenon and rapid disappearance of the historical scene of the Vidivarii and Varangians (Varyags).

Key words: Varangians, Vidivarii, Baltic, Scandinavians, Latin, Huns, Turks, Avar Khaganate.

For citation: Vinogradov A.E. 2021. On the question of the origin of etnonyms *Varyagi* and *Vidivarii*. Via in tempore. History and political science, 48 (1): 123–131 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-1-123-131.



Известие «Повести временных лет» о призвании варягов в 862 г. дало повод для длительной научной полемики вокруг вопроса об этнической природе призванных и их этнониме. К настоящему времени большинство историков и лингвистов развивают версию В.Томсена [Thomsen, s. 124–127] о скандинавском происхождении этого слова, устанавливая взаимосвязь между *væringjar* (*væringjar*), обозначавшим на языке викингов наемную дружину (от *vár* – клятва), *βάραγγοι*, известным с 1034 г. именованим гвардейцев византийского императора и древнерусским *варяги* [Пчелов, 2012, с. 7; Вилкул, Николаев, 2020, с. 141; Scheel, 2015, p. 97].

Альтернативные версии представлены в основном последователями линии С.А. Геденова, видящими в *варягах* славян / славянизированных кельтов / «древнеевропейцев» *вагров* или *варинов* [Кузьмин, 2003, с. 222–242], [Фомин, 2005, с. 422–461], [Романчук, 2016, с. 68–70].

Обе версии содержат существенные недостатки, на которые не раз обращалось внимание. В частности, переход *væringjar* > *βάραγγοι* > *væringi* (скандинавская форма в значении *служившие в Византии*) требует объяснений, в греческом варианте ожидалась бы другая форма – *βαργγος* [Аникин, с. 102]. Поэтому в эту цепочку вслед за А.А. Куником встраивают историко-лингвистические элементы вроде лангобардского *waregang(i)* (*пришельцы, чужаки*) [Луговой, 2009, с. 405–409; Parducci, 2007, 1–11], или чаще вслед за Г. Якобссоном реконструируют ее первую часть как скандинавскую **warāngR-* [Мельникова, 1998, с. 160]. Однако такая реконструкция ввиду отсутствия следов реальной формы в скандинавской лексике также вызывает сомнения, в том числе среди сторонников норманнской версии [Danilenko, 2004, с. 183]. Фиксация термина *βάραγγοι* лишь в XI в. заставляет передвигать на два столетия и время появления русской формы *варяги* [Вилкул, Николаев, 2020, с. 141] от указанной в летописи.

В свою очередь феномен позднего появления термина *варяги* пытаются объяснить его вторичностью по отношению к якобы существовавшей древнерусской форме, дескать, через старое прочтение «юса малого» соответствовавшей скандинавской *væring-* [Клейн, 2014, с. 341]. Однако в XI в., т. е. в период создания первых летописных памятников, носовых гласных в речи восточных славян уже не было [Галинская, 2009, с. 43]. Личное летописное имя *Варяжко* «свидетельствует о давней укорененности самого слова «варяг» на Руси» [Мельникова, Петрухин, 1994, с. 60], форма *Вараиг* у Касвини, явно опиравшегося на старые источники, широкое распространение термина *варяг* в разных слоях русской лексики пусть и в других значениях [Аникин, 2012, с. 100–101, 103]) показывают, что этноним изначально существовал в его ныне известном виде.

При этом *væringjar* и *væringi* – социальные термины, что касается византийских *βάραγγοι*, то их этническая природа менялась в зависимости от времени и притока новых рекрутов [Васильевский, 1908, с. 392], они могли описываться греками и как *кельты*, и *англы*, и как *обитатели севера* в значении преимущественно *скандинавы* (термин *Варангия* применительно к истории норвежца Харальда [Кекавмен, 1972, с. 283]). *Варяги* же изначально – термин определенно этнический.

Объяснение, что-де в древнерусском языке через социальную дружинную лексику появилось этническое, общее название для всех скандинавов [Мельникова, 1998, с. 159] или для шведских викингов [Macdonald, Somerville, 2010, p. 301] игнорирует указания и русских летописей, и восточных источников на обширную территорию, которую варяги (*Варанк*, *Вараиг*) занимали в Восточной Европе [Виноградов, 2020b, с. 10] где, в свою очередь, не наблюдалось сплошного скандинавского присутствия. Рассмотрение взаимосвязи термина *варяги* с греческим *βάραγγοι* (грузинским *варанги*, арабо-персидским *Варанк*) через призму архаичного и малоупотребительного [Мельникова, Петрухин, 1994, с. 67] скандинавского суффикса *ang*, на наш взгляд, малоубедительно.

Показательно, что еще в начале XVI в. сами скандинавы (датчане), переводя этноним или топоним *Варяги* из грамоты московского великого князя Василия III, воспроизводили

его в «русском» виде Variagi, Wariagi (при этом ряд других названий переводя по-своему) и отделяли от этого Variagi понятие «урманский» или «норвежский» [Возгрин, Шаскольский, Шрадер, 1998, с. 129–131].

Что касается трактовки этноса варягов как скандинавов или как вообще шведов, то в последнее время ее несоответствие историческим данным становится очевидным даже для некоторых сторонников норманнской теории, которые стали ассоциировать понятие *варяг* исключительно с жителями Готланда, которые, как признается, в раннем средневековье культурно отличались от скандинавов [Gannholm, 2017, pp. 6–7, 57].

В свою очередь, в рамках наиболее известной из альтернативных версий варяжского этногенеза трудно объяснить и существование кельтских/древнеевропейских реликтов в контексте балтийской истории IX–X вв., и разницу между антропонимиком балтийских славян и Руси, не говоря уже о более широком аспекте варяжской проблемы: названиях днепровских порогов и т. д. Притом, по мнению А.А. Горского, с варягами Рюрика трудно сопоставить как славян, так и известных нам скандинавов, поскольку ни те, ни другие «не имели государственнообразовательных потенций», которые могли бы привести к созданию столь крупного государства, как Киевская Русь [Горский, 2009, с. 16].

На наш взгляд, решение варяжской проблемы невозможно без объяснения феномена фиксации балтийских *варягов* как этнонима в славянских, а также восточных источниках, и отсутствия такового в западноевропейских. При всей отдаленности балтийской ойкумены от центров европейской культуры до начала крестовых походов в Финляндию и Прибалтику очевидно, что существование такого значительного народа не могло пройти совсем незамеченным для западных хронистов и географов. Просто, по всей вероятности, этот этноним на Западе звучал по-другому.

О возможном существовании подобного синонима рассуждали исследователи еще XIX в. В частности, по И.Е. Забелину, другим именем *варягов* были известные по сочинению Иордана *видивариш*, носителей которого сам историк считал балтийскими славянами [Забелин, 2019, с. 147]. В другом ключе ту же тему раскрывает В.И. Кулаков, в чьих исследованиях прослеживается цепочка от полиэтничных видивариев, распространивших свое влияние от устья Вислы до Самбии и островов Балтики [Кулаков, 2003, с. 109] до основания Русского государства [Кулаков, 1999].

И сейчас даже скудной информации Равеннского Анонима и других источников о раннесредневековой картине Балтики достаточно, чтобы поставить вопрос о генезисе термина *варяг* в совершенно других этнических реалиях, чем *væringjar*. Письменные и устные легендарные источники говорят о присутствии на Балтике в раннем средневековье роксоланских (Roxolanorum) и савроматских (Sauromatum) группах, о *турках* (Turci), о *хуннских* (Hunorum) царях и воинах, аланах [Виноградов, 2020b, с. 11]. Данные о том, что *гунны*, переселившись со среднедунайских равнин, обитали какое-то время на берегах Балтики, можно найти и в венгерских средневековых хрониках, старогерманском фольклоре, топонимах [Кузнецов, 2001, с. 69]. По свидетельству Приска Панийского, современники Аттилы были убеждены в том, что он распространил свою власть в том числе на острова «Океана» [The fragmentary history..., 2014, p. 68]. Даже название варягов у Длугоша – *Vorahuni* – явно отдает воспоминаниями о проникших на берега Балтики степняках, которых в средневековье по традиции именовали *Huni*, *гунны*.

Эти указания источников на полиэтничный дунайский импульс, заставлявший бурлить раннесредневековую Балтику, пытаются истолковать как ошибку, смешение средневековыми авторами Прибалтики и Причерноморья, как в случае с сообщением Адама Бременского о *турках* [Adamus Bremensis, 1876, pp. 163, 167] [Древняя Русь..., 2010, с. 144–145, 147] или просто игнорировать. Так, А. Стендер-Петерсен просто охарактеризовал сведения автора «Хроники деяний норманнов во Франции» о том, что рядом с готами и датчанами живут еще *Huni*, как «отсебятину самого плохого качества» [Стендер-Петерсен, 1960, с. 145].



Нам представляется некорректным отсеивать целый свод источников в угоду той или иной исторической концепции. С методологической точки зрения, на наш взгляд, более правильно попытаться эти источники сопоставить с летописными и другими нарративными данными, традиционно используемыми в рассмотрении варяжского вопроса, а также с результатами археологических исследований.

Именно последние зафиксировали как отзвук «гуннских войн» переселение в V–VII вв. н. э. на правобережье Нижнего Немана и острова Балтики вплоть до Готланда многочисленных групп из Дунайского региона, в том числе сохранивших элементы кочевнической культуры, причем сохранивших вплоть до XI века [Виноградов 2020b, с. 12]. Эти данные, как и появление в географических пределах Балтики и в схожем с варяжским контексте восточного термина *Хакан-Рус* Бертинских анналов, дают основания усмотреть в варягах не скандинавский, как, впрочем, и не славянский, но полиэтничный, с существенным номадическим акцентом дунайский компонент.

Некоторые исследователи допускают миграцию на Балтику не непосредственно кочевников-гуннов, но участников «гуннской политики» – гепидов, герулов, балтов [Curta, Blüjeme, 2011, p. 44], другие, сомневаясь в собственно гуннской экспансии далеко на север, полагают возможной более позднюю аварскую экспансию [Näsman, 2008, p. 116]. Авары активно участвовали в торговле с балтами, утверждает К. Скворцов, возможно, даже и в работоторговле на Балтике [Skvortsov, 2015]. По мнению А.В. Мастыковой, контакты с балтами осуществляло подконтрольное аварам оседлое население каганата [Мастыкова, 2015, с. 464].

Все это отнюдь не исключает культурного влияния номадов на указанное население. Еще с позднеримского времени у части германских племен вплоть до Балтики заметно использование сарматских знаков власти, свидетельствовавшее о смешении элиты и/или о клиентельно-зависимых отношениях от номадов [Яценко, Добжанска, 2012], что, возможно, объясняет появление *роксолан*, *сармат* и *аланов* в источниках в балтийском и околобалтийском контексте. Очевидно, то же можно сказать и о более поздних связях с оказавшей огромное влияние на культуру германцев Гуннской державой [Шувалов, 2001, с. 136–140], и с Аварским каганатом, в котором присутствие тюркского элемента признается большинством исследователей. Этноним *туркилинги* (Turcilingi, Thorcilingi), упомянутый Иорданом в контексте падения Западной Римской империи [Jordanus, 1882, p. 44], некоторые исследователи рассматривают как сочетание названия Turci с германским суффиксом ling, т. е. как свидетельство германотюркского смешения в зоне гуннского владычества [Kim Huijun Jin, 2013, p. 101].

В любом случае речь идет о заселении прибалтийских территорий этносами, в значительной мере или связываемыми с ранними тюрками или с народами, испытавшими на себе их влияние. И вот здесь феномен *туркилингов*, а также *тюрков*, упомянутых Адамом Бременским как соседей Руси по «заливу», которым с юга владеют славяне, а с севера – скандинавы [Древняя Русь..., 2010, с. 145], могли бы, на наш взгляд, сыграть ключевую роль в решении проблемы этнонима *варяги*.

Для этого, в свою очередь, необходимо обратиться к генезису названия *турки* (*тюрки*). Согласно выводам С.П. Толстова, этот этноним восходил к термину Tür-kün «возрастной класс молодых неженатых воинов», т. е. поначалу он имел социальную семантику и лишь затем через последовательную смену значений («войско» и др.) обретал смысл «национального имени». Впрочем, его в политическом значении объединения разных родов использовали и другие, находившиеся под влиянием тюрков народы [Толстов, 1938, с. 80–81].

Напомним, что появление этнонима *тюрк*, *тюрк* в источниках (VI в.) примерно совпадает с исторически и археологически прослеживаемым появлением кочевнических групп на Балтике и сообщением Иордана о видивариях там же. Это сообщение привлекает внимание на фоне скудной информации источников раннего средневековья об этнической картине Балтики, по крайней мере, четкой локализацией (в эстуарии Вислы) и этнической характеристикой видивариев как «собравшихся из различных племен» [Кекавмен, 1972, с. 72]. После Иордана информация о видивариях пропадает, что предполагает возмож-

ность смены этнонима. И таких наследников пытаются найти, например, в Vuizunbeire «Баварского географа» [Коматина, 2020, с. 124].

Некоторые исследователи считают, что *видиварии* – общее имя для «осколков» различных, по преимуществу германских племен, и сам этноним имеет германскую этимологию со значением «вещие воины» или «люди Видьи» (т. е. Видевута [Кулаков, 2003, с. 114, 252]) или же «жителей страны Вит» (известная по «Орозию короля Альфреда» Witland) [Коматина, 2020, с. 124].

По мнению Е.Ч. Скржинской, загадочное имя «воспринимается как собирательное» [Иордан, 1960, с. 221]. Вместе с тем в тексте Иордана видивариям не дана родоплеменная характеристика (*gens, gentis*), как их соседям – эстиям и акацирам [Jordanus, 1882, p. 63]. Но не значит ли это, что и «родового» названия здесь просто не существовало, а «собирательное название» следует выводить из языка, на котором был написан труд Иордана – из латыни? Последняя составляющая этого названия *variī* может быть трактована как прилагательное мн. ч. «разнообразные», либо как существительное, образованное от прилагательного (в латыни *variā* – букв. «пеструшка», имя для представителей фауны, а здесь «разношерстное сборище», «сброд»). Такое значение вполне соответствует определению «*ex diversis nationibus adgregati*» Иордана. Первая же часть – усеченная (что обычно для двусоставных слов) форма *vidui* «одинокие, холостые», что практически калька уже вышеупомянутому *Tür-kün*.

Случайное ли это совпадение с учетом вышеприведенных данных о средневековой этнической картине Балтики? На наш взгляд, нет. Археологические данные показывают, что переселенцы, устремившиеся с юга на Балтику, а также в Восточную Европу, были «воинскими коллективами, оставшимся “не у дел” после распада государства Аттилы», практически все оставленные ими предметы «иллюстрируют нам некий суровый мужской быт» и, скорее всего, данный феномен восходит к своеобразной культуре, которая долгое время «формировалась в среде германских варваров на римской службе» [Михайлова, 2012, с. 205]. В Литве престижные вещи дунайского происхождения находятся в основном в мужских захоронениях, из чего делается вывод, что в них погребены воины, долгое время прожившие на Дунае (А. Блюене и Ф. Курта считают, что речь идет о балтийских уроженцах, много лет проведших вдали от родины [Curta, Bliujene, 2011, p. 56], что спорно, но в любом случае и они подпадают под категорию «холостые»).

И само недолгое существование термина видиварии, только промелькнувшего в одном историческом источнике, говорит в пользу такой трактовки этого слова. Естественно, основная масса воинов-переселенцев с юга если не погибала в боях, то все-таки находила себе жен на новом месте обитания, Привисленье – славянок, балтиек и т. д., запуская процесс смешения. И сам феномен полиэтнической и «мультикультурной» дружины в низовьях Вислы быстро прекратил бы свое существование, если бы из центра Европы к Балтике еще два столетия не шли новые волны переселенцев [Виноградов, 2020b, с. 12], подерживая здесь определенную «мультикультурность».

Но если о *variī* еще можно было говорить, но *vidi* (*vidui*) основная масса местных жителей уже не были. Вторая часть этнонима потеряла актуальность, так же как, собственно, *Tür-kün*. Но если последний термин уцелел, чуть модифицировавшись и изменив семантику, то в «собирательном имени» видиварии больше шансов было сохраниться у второй части, *variī*.

Это заметно при рассмотрении вопроса о *варягах*. Удивительно, но до сих пор исследователи в основном обходили стороной наиболее точное фонетическое соответствие древнерусскому *варяги*, которое также находится в латыни и ее дериватах (*variego, varegiare* – «делать пестрым, разнообразным»). Латинское прочтение здесь нам кажется наиболее вероятным, поскольку, во-первых, латинские корни прослеживаются и в варяжском именовании [Виноградов, 2020a].

Во-вторых, прочтение имени этноса, или, по терминологии Л.Н. Гумилёва, суперэтноса как «пестрые, составленные из разных элементов» имеет практически кальку в



тюркском, где, согласно гипотезе авторитетных лингвистов конца XIX – первой половины XX в., именование одного из крупнейших племенных объединений – булгар – означает «смешанные» [Stoyanov, p. 65]. Что опять же не случайная параллель, если учитывать историю этногенеза тюрок вообще, складывавшегося поначалу как военно-политический союз различных народов и сложившегося затем в нечто большее «вследствие этнического смешения» [Гумилёв, с. 25].

Считаем допустимым, что взаимосвязанные термины *видиварии*, *варяги* отразились у Иордана и Адама Бременского в виде *туркилинги* и *турки*, что лишней раз демонстрирует характерное для эпохи взаимодействие Запада и Востока. Не случайно в полиэтничной среде дунайских гуннов отмечалось многоязычие, в т. ч. использование латыни; как и римских специалистов [Обломский, с. 165], в свою очередь, Восточная и Западная Римская империи привлекали кочевников вместе с германцами на свою службу [Thompson, 1982, p. 64] результатом чего стало создание особого смешанного воинского подразделения – Уннигарды [Мехамадиев, 2015]. Литовские и прусские предания говорили о римских переселенцах на север, дополняя сведения о пришедших с юга номадах, красноречиво упоминание римского имени *Антонес* и тюркского *Чинбех* в одном контексте истории соседних с Пруссией регионов [Виноградов 2020b, с. 12].

В разнообразии этнической картины циркумбалтийского пространства раннего средневековья, вероятно, кроется ключ к разгадке вопросов, связанных с летописным рассказом о призвании варягов. Экспансия на берега Балтики народов и воинских групп, подвергшихся влиянию, с одной стороны, Римской империи, с другой – гуннской и аварской державы, привела к появлению феномена смешанных суперэтносов, совместивших культурные и этнонимические традиции Запада и Востока. Одним из таких суперэтносов стали видиварии, установившие контроль над торговыми путями между Балтикой и югом и впоследствии – варяги, превратившие эти контрольные функции в государственные.

Список источников

1. Возгрин Е.В., Шаскольский И.П., Шрадер Т.А. 1998. Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской земле. Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXVI. СПб.: 125–135.
2. Древняя Русь в свете зарубежных источников. 2010. Т. IV. (комм. А.В. Назаренко). М., Русский Фонд Содействия образованию и науке, 512.
3. Adam Bremensis. 1876. Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum. Adam Bremensis. Hannoverae: I. Bibliopolii Hahniae, XX: 191.
4. Iordanus. 1882. Iordanis Romana et Getica, t. 5, p. 1 ed. T. Mommsen. Berlin, Weidmann: 200.
5. Priscus. The fragmentary history of Priscus. 2014. Attila, The Huns and the Roman Empire A. D. 430–476. Merchantville, Evolution: 194 [XLVIII].

Список литературы

1. Аникин А.Е. 2012. Русский этимологический словарь. М., Рукописные памятники Древней Руси. Вып. 6, 364.
2. Васильевский В.Г. 1908. Труды. Т. I. СПб, изд. Имп. Академии Наук, 401.
3. Вилкул Т.Л., Николаев С.Л. 2020. Русь в перечнях народов «Повести временных лет» и вне их. *Studia slavica et Balcanica Petropolitana*, 1 (27): 138–160.
4. Виноградов А.Е. 2020. Антропонимия первых русских князей и происхождение династии Рюриковичей. *Via in tempore. История. Политология*, 47 (2): 309–317.
5. Виноградов А.Е. 2020. Культура длинных курганов в свете варяжской проблемы. *Вестник МГПУ. Серия История. Политология*. 1: 8–20.
6. Галинская Е.А. 2009. Историческая фонетика русского языка. М., МГУ: 160.
7. Горский А.А. 2009. Начало Руси: славяно-варяжская дилемма? // *Родина*. 9: 15–18.
8. Гумилёв Л.Н. 1967. Древние тюрки. М., Наука, 501.
9. Забелин И.Е. 2019. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. М., Юрайт, 513.

10. Иордан. 1960. О происхождении и деяниях гетов. Пер. Е.Ч. Скржинской. М., Восточная литература, 436.
11. Кекавмен. 1972. Советы и рассказы. М., Наука. 746.
12. Клейн Л.С. 2014. Еще один спор о лехитских варягах. *Stratum plus*, 5: 335–343.
13. Коматина П. 2020. Славянские этнонимы «Баварского географа»: историко-лингвистический анализ. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1 (27): 106–137.
14. Кузнецов Е.В. 2001. Этногенез восточных славян. Исторические очерки (VI–IX вв.). Арзамас, АГПУ, 191 [1].
15. Кузьмин А.Г. 2003. Начало Руси. М., Вече, 432.
16. Кулаков В.И. 1999. Балтийский вариант движения викингов. *Stratum plus*, 5: 148–151.
17. Кулаков В. И. 2003. История Пруссии до 1283 г. М., Индрик, 432.
18. Луговой О.М. 2009. К вопросу о происхождении термина «Варанг/Варяг/Вэринг». *Stratum plus*, 6: 405–409.
19. Мастыкова А.В. 2015. О некоторых подвесках в погребениях ольштынской группы. *Barbaricum (Warszawa)*, 11: 461–471.
20. Мельникова Е.А. 1998. «Варяги, Варанги, Вэринги»: Скандинавы на Руси и в Византии: Византийский временник, Т. 55 (80), ч. 2. М., Наука: 159–164.
21. Мельникова Е.А. Петрухин В.Я. 1994. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI веках. К истории названия «варяг». *Славяноведение*, 2: 56–68.
22. Мехмадиев Е.А. 2015. Синезий Киренский и войсковое подразделение «Уннигарды». Готы и гунны в Восточной Римской империи на рубеже IV–V вв. *Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского*, 4: 61–74.
23. Михайлова Е.Р. 2012. Формирование культуры длинных курганов: процесс на фоне эпохи. Истоки славянства и Руси. Сб. статей по материалам X чтений памяти Анны Мачинской. СПб., 201–210.
24. Обломский А.М. 2004. Заключение. Раннеславянский мир. Вып. 6. М., ИА РАН: 163–166.
25. Пчелов Е.В. 2012. Рюрик и начало Руси. М., Старая Басманная, 60.
26. Романчук А.А. 2016. Варяги и варязи: к вопросу о возникновении этнонима *варяг*. *Восточноевропейский научный вестник*. 2: 65–72.
27. Стендер-Петерсен А. 1960. Ответ на замечания В.В. Похлебкина и В.Б. Вилинбахова. *Kuml. Årbog for jysk arkæologisk selskab. Århus*: 144–152.
28. Толстов С.П. 1938. К истории древнетюркской социальной терминологии. *Вестник древней истории*. 1: 72–81.
29. Фомин В.В. 2005. Варяги и варяжская Русь. М., Русская панорама, 488.
30. Шувалов В.П. 2001. У истоков средневековья: двор Аттилы. Проблемы социальной истории и культуры средневековья и Нового времени. Вып. 3. СПб, СПбГУ: 130–145.
31. Яценко С.А. Добжанска Г. 2012. Германские парадные копьё II–III вв. н. э. с сарматскими знаками. *Труды ГИМ*, Вып. 191: 494–509.
32. Curta F. Bliujene A. 2011. Exotic Lands, Quixotic Friends, Eastern Lithuania and the Carpatian Basin in Late Antiquity and the Early Middle Ages. *Medieval Archaeology*, 55: 29–65.
33. Danilenko A. 2004. Urmane, Varjagi and other (Nordic) Peoples in the Cosmography of the Primary Chronicle. *Byzantinoslavica LXII*: 137–205.
34. Gannholm T. 2017. Gotland, the Home of the Varangians. *Stånga, Stavgard*, 211.
35. Kim Hyiun Jin, 2013. *The Huns, Rome and the Birth of Europe*. Cambridge, 338.
36. Macdonald R.A. Somerville A.A. 2010. *The Viking Age: A Reader*. University of Toronto Press, 528.
37. Näsman U. 2008. Scandinavia and the Hunns: a source-critical approach to an old question. *Fornvännen*. (103): 2: 111–118.
38. Parducci D. 2007. Gli stranieri nell’alto medioevo Appunti sul cap. 367 dell’edictum Rotari. *Mirator (Helsinki)*, 1: 1–11.
39. Scheel R. 2015. *Scandinavien und Byzanz: Bedingungen und Konsequenzen mittelalterlicher Kulturbeziehungen*. Göttingen: Vandenhoeck&Rurecht, 1343.
40. Skvortsov K. 2015. The story of a «Byzantine» coin from Sambia (on the question of Balto-Avar Contacts. *Barbaricum (Warszawa)*. 11: 601–622.



41. Stoyanov V. 1987. Die structur und Betentung des Bulgarischen Etonyms im Lichte einer Evolitiontheorie. *Etudes Balkaniques*, 2: 65–82.
42. Thompson E.A. 1982. *Romans and Barbarians. The Decline of the Western Roman Empire*. Univ. of Wisconsin Press, 329.
43. Thomsen V. 1879. *Der Ursprung des Russishen Staates*. Gotha, F.A. Perthes, 156.

References

1. Anikin A.E. 2012. *Russkij etimologicheskij slovar'* [Russian etymological dictionary]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, 364.
2. Vasil'evskij V.G. 1908. *Trudy* [Proceedings]. T. I. St. Petersburg, izd. Imp. Akademii Nauk, 401.
3. Vilkul T.L., Nikolaev S.L. 2020. Rus' v perechnyakh narodov «Povesti vremennykh let» i vne ikh [Russia in the lists of peoples «Tales of bygone years» and beyond]. *Studia slavica et Balcanica Petropolitana*, 1 (27): 138–160 (in Russian).
4. Vinogradov A.E. 2020. Antroponimiya pervykh russkikh knyazey i proiskhozhdenie dinastii Ryurikovichey [Anthroponymy of the first Russian princes and the origin of the Rurik dynasty] *Via in tempore. Istoriya. Politologiya*, 47 (2): 309–317 (in Russian).
5. Vinogradov A.E. 2020. *Kul'tura dlinnykh kurganov v svete varyazhskoy problemy* [Culture of long barrows in the light of the Varangian problem]. *Vestnik MGPU. Istoriya. Politologiya*. 1: 8–20 (in Russian).
6. Galinskaya E.A. 2009. *Istoricheskaya fonetika russkogo yazyka* [Historical phonetics of the Russian language]. Moscow, Publ. MGU, 160.
7. Gorskiy A.A. 2009. *Nachalo Rusi: slavyano-varyazhskaya dilemma?* [The Origin of Russia: Slavic-Varangian Dilemma?]. *Rodina*. 9: 15–18.
8. Gumilyov L.N. 1967. *Drevnie tyurki* [Göktürks]. Moscow, Nauka, 501.
9. Zabelin I.E. 2019. *Istoriya russkoj zhizni s drevnejshih vremen* [History of Russian life since ancient times]. P. 1. Moscow, Yurajt, 513.
10. Jordan. 1960. *O proiskhozhdenii i deyaniyah getov* [On the origin and deeds of the Getae]. Per. E.Ch. Skrzhinskoy. Moscow, Vostochnaya literatura, 436.
11. *Kekavmen. Sovety i rasskazy* [Tips and stories]. 1972. Moscow, Nauka, 746.
12. Kleyn L.S. 2014. *Eshche odin spor o lekhitskikh varyagakh* [Another dispute about the lechite Varangians]. *Stratum plus*, 5: 335–343 (in Russian).
13. Komatina P. 2020. *Slavyanskije etnonimy «Bavarskogo geografa»: istoriko-lingvisticheskiy analiz* [Slavic ethnonyms of the «Bavarian geographer»: historical and linguistic analysis]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1 (27): 106–137 (in Russian).
14. Kuznecov E.V. 2001. *Etnogenez vostochnykh slavyan. Istoricheskie ocherki (VI–IX vv.)* [Ethnogenesis of the Eastern Slavs. Historical essays (VI–IX centuries)]. Arzamas, AGPU, 191 [1].
15. Kuz'min A.G. 2003. *Nachalo Rusi* [the Beginning of Russia]. Moscow, Veche, 432.
16. Kulakov V.I. 1999. *Baltiyskiy variant dvizheniya vikingov* [Baltic version of the Viking movement]. *Stratum plus*, 5: 148–151 (in Russian).
17. Kulakov V.I. 2003. *Istoriya Prussii do 1283 g.* [History of Prussia before 1283]. Moscow, Indrik, 432.
18. Lugovoy O.M. 2009. *K voprosu o proiskhozhdenii termina «Varang/Varyag/Vering»* [The question of the origin of the term «Warang/Varjag/Vering»]. *Stratum plus*, 6: 405–409 (in Russian).
19. Mastykova A.V. 2015. *O nekotorykh podveskakh v pogrebeniyakh ol'shtynskoy grupy* [About some pendants in the burials of the Olshdyn group]. *Barbaricum (Warszawa)*, 11: 461–471 (in Russian).
20. Mel'nikova E.A. 1998. *«Varyagi, Varangi, Veringi»: Skandinavcy na Rusi i v Vizantii* [«Varyagi, Varangians, Veringi»: Scandinavians in Rus' and in Byzantium]. *Vizantijskij vremennik*, t. 55 (80), ch. 2. Moscow, Nauka, 159–164 (in Russian).
21. Mel'nikova E.A. Petrukhin V.Ya. 1994. *Skandinavcy na Rusi i v Vizantii v X–XI vekakh. K istorii nazvaniya «varyag»* [Scandinavians in Russia and in Byzantium in the X–XI centuries. To the history of the name «Varangian»]. *Slavyanovedenie*, 2: 56–68 (in Russian).
22. Mekhamadiev E.A. 2015. *Sinezij Kirenskiy i voyskovoe podrazdelenie «Un-nigardy»*. *Goty i gunny v Vostochnoy Rimskoy imperii na rubezhe IV–V vv.* [Of Synesius of Cyrene and military



units «Unigard». Goths and Huns in the Eastern Roman Empire at the turn of the IV–V centuries]. *Vestnik NNGU*, 4: 61–74 (in Russian).

23. Mikhaylova E.R. 2012. Formirovanie kul'tury dlinnykh kurganov: protsess na fone epokhi. Istoki slavyanstva i Rusi [Formation of the long barrow culture: a process against the background of an epoch. Sources of Slavs and Rus]. *Sb. statey po materialam X chteniy pamyati Anny Machinskoy*. SPb.: 201–210 (in Russian).

24. Oblomskij A.M. 2004. Zaklyuchenie. Ranneslavjanskij mir [Conclusion. Early Slavic world]. Issue 6. Moscow, IA RAN: 163–166 (in Russian).

25. Pchelov E.V. 2012: Ryurik i nachalo Rusi [Rurik and the beginning of Russia]. Moscow, Staraya Basmannaya, 60.

26. Romanchuk A.A. 2016. Varyagi i varyazi: k voprosu o vozniknovenii etnonima varyag [Varangians and varyazi: on the question of the origin of the ethnonym Varangians]. *Vostochnoevropeskij nauchnyj vestnik*. 2: 65–72 (in Russian).

27. Stender-Petersen A. 1960. Otvet na zamechaniya V.V. Pokhlebkina i V.B. Vilibakhova [Response to the comments of V.V. Pohlebkina and V.B. Vilibakhov]. *Kuml. Årbog for jysk arkæologisk selskab*. Århus: 144–152 (in Russian).

28. Tolstov S.P. 1938. K istorii drevnetyurkskoy sotsial'noy terminologii [On the history of ancient Turkic social terminology]. *Vestnik drevnej istorii* [Bulletin of ancient history]. 1: 72–81 (in Russian).

29. Fomin V.V. 2005. Varyagi i varyazhskaya rus' [The Vikings and the Varangian Rus]. Moscow, Russkaya panorama, 488.

30. Shuvalov V.P. 2001. U istokov srednevekov'ya: dvor Attily [At the origins of the middle ages: the court of Attila]. *Problemy social'noj istorii i kul'tury srednevekov'ya i Novogo vremeni*. Iss. 3. St. Petersburg, SPbGU: 130–145 (in Russian).

31. Yatsenko S.A. Dobzhanska G. 2012. Germanskie paradnye kop'ya II–III vv. n. e. s sarmatskimi znakami [German ceremonial spears of the II–III centuries ad with Sarmatian signs]. *Trudy GIM*, № 191. Moscow, 494–509 (in Russian).

32. Curta F. Bliujene A. 2011. Exotic Lands, Quixotic Friends, Eastern Lithuania and the Carpatian Basin in Late Antiquity and the Early Middle Ages. *Medieval Archaeology*, 55: 29–65.

33. Danilenko A. 2004. Urmene, Varjagi and other (Nordic) Peoples in the Cosmography of the Primary Chronicle. *Byzantinoslavica*. LXII: 137–205.

34. Gannholm T. 2017. Gotland, the Home of the Varangians. *Stånga*, Stavgard, 211.

35. Kim Hyiun Jin, 2013. The Huns, Rome and the Birth of Europe. Cambridge, 338.

36. Macdonald R.A. Somerville A.A. 2010. The Viking Age: A Reader. University of Toronto Press, 528.

37. Näsman U. 2008. Scandinavia and the Hunns: a source-critical approach to an old question. *Fornvännen*. (103): 2: 111–118.

38. Parducci D. 2007. Gli stranieri nell'alto medioevo. *Appunti sul cap.367 dell' Edictum Rotari*. *Mirator* (Helsinki), 1: 1–11.

39. Scheel R. 2015. Scandinavien und Byzanz: Bedingungen und Konsequenzen mittelalterlicher Kulturbeziehungen. Göttingen: Vandenhoeck&Rurecht, 1343.

40. Skvortsov K. 2015. The story of a «Byzantine» coin from Sambia (on the question of Balto-Avar Contacts. *Barbaricum* (Warszawa). 11: 601–622.

41. Stoyanov V. 1987. Die structur und Betentung des Bulgarischen Etnonyms im Lichte einer Evolutionstheorie. *Etudes Balkaniques*, 2: 65–82.

42. Thompson E.A. 1982. Romans and Barbarians. The Decline of the Western Roman Empire. Univ. of Wisconsin Press, 329.

43. Thomsen V. 1879. Der Ursprung des Russishen Staates. Gotha, F.A. Perthes, 156.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Виноградов Алексей Евгеньевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Москва **Alexey E. Vinogradov**, PhD in history, independent researcher, Moscow